

ТАЯ ВЕТРОВА

НЕВЕСТА ПОГАСШЕЙ ЗВЕЗДЫ

18+

18+

Тая Ветрова

Невеста погасшей звезды

«Автор»

2026

Ветрова Т.

Невеста погасшей звезды / Т. Ветрова — «Автор», 2026

О том, что выхожу замуж, я узнала из ведомости на замену предохранителей. До свадьбы-сорок семь минут, жених-дракон, а моего согласия, похоже, никто не предусмотрел. Я, Лея Керн, привыкла чинить сложные механизмы. Но как исправить императорский указ и характер Рейнара Варда - сурового командира, который всякий раз вытаскивает меня из неприятностей, а потом возмущается, что я снова туда полезла? Любовь, юмор, приключения и счастливый финал.

© Ветрова Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Глава 1 Замуж по технической ошибке	6
Глава 2 Условия перевозки	11
Глава 3 Тепло на двоих	16
Глава 4 Корабль без лишних комнат	21
Глава 5 Город чужих имён	26
Г	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Тая Ветрова

Невеста погасшей звезды

Глава

Тая Ветрова
Невеста погасшей звезды
Романтическая фантастика
18+

Глава 1 Замуж по технической ошибке

О том, что выхожу замуж, я узнала из ведомости на замену предохранителей.

До свадьбы оставалось сорок семь минут. До конца моей смены — два часа. Я уже готовилась выяснять, кто оплатит недоработанное время, но тут дошла до графы «Основание для изъятия сотрудника».

Там стояли номер императорского указа, сегодняшняя дата и моё полное имя.

Лея Адель Керн.

Имя моё, отчество моё. Хотелось возмутиться хотя бы орфографией, но и тут канцелярия меня подвела.

Нижне, убористым почерком канцелярского автомата, было выведено: «Доставить в Восточную регистрационную палату. В случае сопротивления пригласить представителя брачной стороны».

Я перечитала последнюю строчку. Представитель брачной стороны звучал хуже проверяющего: проверяющего хотя бы не требовалось кормить до конца жизни.

Я позвала мастера.

— Мерит! У нас опять перепутали живых с оборудованием.

Из соседнего шкафа донёсся стук. Мерит ремонтировал проводку в позе, которая человеку его возраста полагалась только при чрезвычайных обстоятельствах или в постели с большой любовью. Большой любовью Мерита были деньги. Чрезвычайным обстоятельством — то, что ремонт он обещал закончить вчера.

— Какая разница? — отозвался он. — Подпиши и положи в синий лоток.

— Меня требуют выдать замуж.

— В красный. Всё, что мешает работе, — в красный.

— Жениха тоже?

— Если небольшой.

Я сложила ведомость и сунула в карман комбинезона. Потом опустилась на колени перед распахнутым распределителем.

За панорамным окном медленно шёл к посадке грузовой корабль. Его воздушные паруса висели тремя серебряными ярусами, и утренний свет окрашивал полотнища в нежный персиковый цвет. Под днищем двигались башни портовых кранов; дальше, за кольцом посадочных площадок, начиналась Вейра — белые дома на склонах, узкие сады, тёмная лента наземной дороги. А над городом стояли Врата.

С земли они казались изящным золотым обручем. В действительности между двумя опорами поместился бы весь наш порт вместе с общежитиями, рынком и муниципалитетом, которому я задолжала за отопление.

Через эти Врата корабли уходили в другие галактики. Без них даже самому быстрому дракону пришлось бы лететь до соседней обитаемой системы дольше, чем существовала наша империя.

Предохранители здесь требовалось менять вовремя. Вселенная могла сколько угодно поражать воображение размерами, но держалась, как выяснилось, на детали ценой в половину моего обеда.

Я коснулась отвёрткой третьего контакта. Синяя искра вспыхнула там, где никакой искры быть не должно.

— Мерит, отключи внешний контур.

— Он отключён.

В шкафу что-то тонко запело.

У каждого исправного механизма был собственный звук. Я не обладала сказочным даром слушать железо, хотя торговцы на нижнем рынке охотно распространяли этот слух, когда хотели сбить цену на мой труд. Просто двадцать семь лет, из которых одиннадцать проведены рядом с работающими машинами, кое-чему учат.

Исправный контур гудел ровно. Повреждённый дребезжал. Сейчас проводка пела так, будто кто-то водил мокрым пальцем по краю хрустального бокала.

Я выдернула руку.

— Мерит. Отойди от шкафа.

За окном паруса грузовика разом натянулись в неверную сторону.

Снизу донёсся короткий ревун. Один сигнал означал неисправность на причале, два — опасность для работников. Три непрерывных были общепортовой тревогой.

Прозвучали три.

Я схватила диэлектрические клещи и бросилась к аварийному размыкателю. Мерит вывалился из шкафа, волоча за собой катушку кабеля. На его щеке белела полоска пыли.

— Не трогай! — крикнул он.

Но я уже ударила рычаг вниз.

Вместо ожидаемой темноты по стенам пробежало белое пламя. Пол под ногами качнулся. Меня швырнуло на ограждение, и плечо ответило такой болью, что на секунду исчезли и Мерит, и порт, и моя нелепая свадьба.

Когда зрение вернулось, я увидела: грузовик больше не снижался. Его тянуло боком к северной опоре Врат.

Между кораблём и опорой был пассажирский мост.

Люди на мосту бежали. С этой высоты я различала только цветные пятна пальто и белую коляску, которую кто-то никак не мог развернуть.

— Вводной автомат, — сказала я. — Где ключ?

Мерит молчал.

Я обернулась. Он смотрел на дверь.

В проёме стояли двое в мундирах дворцовой охраны. Очень чистые, очень спокойные, в одинаковых серых перчатках. Один держал цилиндр с документами.

— Госпожа Керн?

— Отойдите.

— Вы должны проследовать...

— А вы должны отойти от двери, пока вам её не впечатало в лицо.

Я протиснулась между ними, не дожидаясь ответа. Мерит крикнул что-то вслед. На лестнице погас свет, и последние ступени я преодолела почти на ощупь.

Главный щит находился на этаж ниже, за решёткой. Ключ висел на шее у начальника смены, который в такую погоду обычно завтракал на крыше с женщиной из метеослужбы. Никаких претензий к его личной жизни у меня не было. Но если доступ к щиту зависел от того, понравился ли женщине завтрак, порт пора было закрывать.

Я вогнала отвёртку между скобой и замком.

Металл не поддался.

Над головой затрещали перекрытия. По лестнице застучали сапоги охранников.

— Немедленно прекратите, — сказал тот, что нёс документы.

— У вас есть оружие?

Он непонимающе моргнул.

— Вы сейчас арестованы до выяснения...

— Выстрелите в замок.

— Отойдите от решётки.

— С удовольствием. Стреляйте.

Он схватил меня за локоть.

Больное плечо отозвалось сразу. Я резко повернулась, ударила его каблуком по подъёму и освободила руку. Второй охранник вынул жезл.

Я успела подумать, что для первой брачной ссоры у нас слишком много участников.

А потом кто-то произнёс:

— Опустите.

Не громко. Почти устало.

Охранник с жезлом застыл.

Человек, спускавшийся по лестнице, был выше обоих дворцовых служащих. Тёмное пальто он держал в руке; под ним оказался не парадный мундир, а лёгкая куртка с потёртым воротом. На правой скуле светлел старый шрам. Ещё один пересекал бровь, делая спокойное лицо недобрым.

Я видела его прежде. На гравюре, прилепленной к стене закуской. Под гравюрой было написано: «Вернём честь северному флоту». Через неделю надпись заклеили меню. Северному флоту вернули честь примерно до вторника, а потом понадобилось место под котлеты.

Рейнар Вард.

Дракон, бывший командующий, человек, из-за которого три года назад погибли корабли в системе Иссена. Газеты спорили о числе погибших, но в остальном проявляли трогательное единодушие: виноват он.

— Господин Вард, — начал охранник. — Мы исполняем...

— Вижу.

Он посмотрел на меня. Потом на отвёртку, которую я всё ещё держала остриём кверху.

— Вам нужен щит?

— Нет, я коллекционирую решётки. Эта особенно хороша.

На мгновение его взгляд изменился. Не смягчился — стал внимательнее.

— Отступите на шаг.

— Если вы тоже собираетесь меня арестовать...

— Замок полетит в вашу сторону.

Вот с этого и следовало начинать. С людьми, которые объясняли свои распоряжения законами механики, я обычно ладила.

Я отступила.

Он взялся за скобу голой рукой. Под кожей на запястье проступило тёмное узорчатое пятно. Металл покраснел, будто его только что вынули из горна. Запахло палёной краской.

Вард повернул кисть. Замок упал на пол.

— Прошу.

Благодарить было некогда. Я распахнула решётку, пробежалась глазами по указателям и замерла.

Вводной автомат был исправен. Портовый контур тоже. Кто-то пустил обратный ток в грузовые захваты через свадебную линию Восточной палаты.

Я знала эту линию: её подключали к Вратам только для государственных церемоний. В момент принесения клятвы над городом должна была появляться световая арка. Красиво, дорого. При монтаже я спросила, почему молодожёны не могут обойтись цветами. Мне ответили, что я мыслю без государственного размаха.

Сейчас на дисплее стояло моё имя.

ЛЕЯ АДЕЛЬ КЕРН. ПОДТВЕРЖДЕНИЕ ПОЛУЧЕНО.

— Я ничего не подтверждала, — сказала я.

— Керн? — переспросил Вард.

В его голосе появилось нечто, от чего захотелось сделать ещё шаг назад. Но позади был открытый щит.

— Позже познакомимся. Держите это.

Я вложила ему в ладонь заземляющий трос, даже не спросив, выдержит ли дракон ток. Если не выдержит, у нас обоих возникнут неприятности. Впрочем, пассажирам на мосту уже было хуже.

Он не задал ни одного вопроса.

Я разорвала пломбу и перевела питание на ремонтный накопитель. Стрелка давления ударилась в красную отметку. Трос в руке Варда задрожал.

— Сейчас будет горячо.

— Уже.

По его предплечью поднимались чёрные чешуйки. Он стоял неподвижно, но мышцы у челюсти напряглись так, что лицо стало почти каменным.

Я отсоединила свадебный канал.

В стене что-то взорвалось.

Мы оба пригнулись. Охранники упали на лестнице. В лицо пахнуло горячим воздухом, посыпалась штукатурка.

И наконец наступила тишина.

Та особенная, короткая тишина после аварии, когда ещё не знаешь, что успел спасти.

Я метнулась к узкому служебному окну.

Грузовик висел в десятке шагов от пассажирского моста. Между его бортом и ограждением застрял сорванный рекламный щит. Люди бежали дальше. Женщина с белой коляской уже добралась до лестницы.

Я выдохнула.

Позади звякнул трос.

Вард отпустил его, осторожно распрямляя пальцы. Ладонь почернела от ожога. На рукаве куртки расплзалась дырка.

— Вам нужен врач, — сказала я.

— Вам тоже.

— У меня просто плечо.

— У меня просто рука.

— Вы всегда так разговариваете?

— Пока недостаточно знакомы, чтобы судить.

— Могли бы просто сказать «да».

— Вы бы снова спросили.

Он бросил на пол обугленную перчатку, которую до сих пор держал в другой руке. Видимо, собирался надеть, но не успел.

Охранник с документами поднялся первым. Цилиндр он не выпустил даже при взрыве. Надо было нанимать его удерживать провода. Документы он явно считал крепче собственной головы.

— Госпожа Керн, — произнёс он, восстанавливая достоинство вместе с причёской, — чрезвычайные обстоятельства не отменяют указа.

— Чрезвычайные обстоятельства сейчас возьмут отвёртку и...

Вард протянул руку.

Я уже собралась объяснить, куда он может деть свои командирские привычки, но он смотрел на цилиндр.

— Документы.

Охранник подчинился сразу.

Вард развернул лист, прочитал. На его лице не изменилось ничего, кроме взгляда.

Потом он посмотрел на меня так, будто я была последней деталью незнакомого взрывного устройства.

— Это ваша подпись?

Я выхватила бумагу.

Внизу, под словами «Добровольное согласие на соединение наследственных линий», стояло размашистое «Л. Керн». Буква «К» была перечёркнута вторым росчерком — я всегда так делала, когда торопилась.

Я знала эту подпись.

Четыре года назад я оставила её на разрешении использовать мои расчёты в исследовательском проекте отца.

Через два дня его лаборатория сгорела.

А ещё через неделю мне выдали запечатанную урну.

— Где вы это взяли? — спросила я.

Охранник поспешил раскрыть служебную книжку.

— Документ передан Канцелярией звёздных владений. Сторона жениха уведомлена. Церемония...

— Кто жених?

Он взглянул на Варда.

Я тоже.

Тот смотрел на бумагу, которую я сжимала так сильно, что она смялась под пальцами.

— По всей видимости, — сказал дракон, — я.

Снаружи снова загудел ревун.

Но на этот раз тревога звучала не в порту.

Она шла сверху, от Врат.

Глава 2 Условия перевозки

Белый свет в служебном окне сменился красным.

Я прижалась к стеклу. По внутреннему краю Врат загорались сигнальные секции: одна, вторая, третья. Так обозначали срочное прохождение государственного судна. Обычно порт получал предупреждение за сутки, освобождал воздушный коридор и выставлял церемониальную стражу.

Сейчас в коридоре всё ещё висел повреждённый грузовик. Надеюсь, он оценил честь принимать государственное судно первым.

— Они не видят, что у нас авария? — прошептала я.

— Видят, — ответил Вард.

Из внутреннего кармана он достал плоский передатчик.

— Марк. Запуск. Ближний причал, техническая сторона.

Короткая пауза.

— Нет, не через регистрацию. У нас пассажир.

Я повернулась к нему.

— У вас ничего нет.

Он убрал передатчик.

— Через несколько минут здесь будет императорский инспектор. Служащие получают приказ освободить помещение. Вам лучше уйти.

— Прекрасно. Я знаю дорогу домой.

— Дом проверят первым.

— Кто?

Вард перевёл взгляд на охранников. Тот, что держал жезл, уже прижимал пальцы к наушнику.

— Господин Вард, — произнёс он, — получено уточнение. Мы должны обеспечить вашу совместную доставку в палату. Предписано не допускать обсуждения содержания документа...

Он не договорил.

Дракон перехватил его запястье, развернул жезл к стене и ударил предплечьем под подбородок. Всё произошло быстро и неприятно буднично. Я успела отступить, когда охранник опустился на колени.

Второй потянулся к кобуре.

— Не советую, — сказал Вард.

На этот раз тихий голос был страшнее удара.

Охранник медленно поднял пустую руку.

Мне следовало испугаться. Я испугалась. Но одновременно заметила, что Вард придерживал падавшего человека за ворот, не позволив ему удариться виском об угол щита.

— Вы только что напали на дворцовую охрану, — сказала я.

— Да.

— Это не улучшает впечатления от знакомства.

— Я переживу.

— Вы уже решили за нас обоих, куда идти, и даже моё разочарование вас не интересует.

— Его обсудим по дороге.

Он вынул у стоящего охранника наушник и раздавил каблуком. Потом подобрал оба жезла, вытащил накопители и положил их в карман.

Я сделала шаг к лестнице.

Вард встал на пути.

— Через главный вход идти нельзя.

— Если собираетесь похитить меня, хотя бы не называйте это заботой.

Он посмотрел прямо мне в лицо. Глаза у него были серые, с узким золотистым кольцом вокруг зрачка. Ни на одной гравюре я этого не видела.

— Внизу люди, у которых есть ваш адрес, расписание смен и документ с вашей подписью. Они едва не уничтожили пассажирский мост ради проверки свадебного устройства. Можете остаться и спросить, зачем.

— А вы знаете?

— Не всё.

— Тогда не командуйте.

Он втянул воздух и задержал его на секунду. По всему было видно: человек командовал флотом, а к разговору с портовым инженером оказался совершенно не подготовлен.

— Технический выход, — сказал он после паузы. — Я пойду следом.

Это уже было предложением. Плохим, опасным, но предложением.

Я кивнула на лестницу вниз.

— В коридоре развилка. Правый ход залило охлаждающей смесью. Не наступайте в лужи.

— Понял.

Мы спустились ещё на два этажа. Я шла впереди, прижимая больную руку к животу. Вард не пытался меня подгонять, хотя его шаги за спиной были слишком близко. Я почти перешла на бег, заметила это и нарочно замедлилась. Получалось глупо: нас преследовали, а я тратила драгоценное время на доказательство, что мои ноги мне подчиняются.

Внизу пахло мокрым камнем и машинным маслом. Технические галереи строили задолго до нового порта; некоторые двери вели в никуда, на стенах сохранились указатели давно закрытых линий. Новых сотрудников туда посылали за левым переходником. Иногда они возвращались с правым и отличным знанием местности.

На развилке нас ждал Мерит.

Он держал мой инструментальный чемодан.

Я остановилась.

— Ты как...

— Когда человек приходит жениться с вооружённой охраной, — сказал мастер, не глядя на Варда, — хорошего не жди. Забрал вещи из шкафчика.

Он протянул мне чемодан и свёрнутую куртку. На рукав сверху были положены ключи от моей комнаты.

Обыкновенные жестяные ключи на кольце из медной проволоки.

Отчего-то именно при виде них мне впервые стало по-настоящему страшно.

— Я вернусь к вечерней, — сказала я.

Мерит кивнул слишком быстро.

— Конечно.

Вард стоял на пару шагов позади. Не вмешивался, и за это я была ему благодарна ровно настолько, насколько можно благодарить незнакомца за отсутствие очередной неприятности.

Мерит сунул мне в ладонь маленький медный жетон.

— Левый привод сорван. Правый вручную. Не забудь.

Речь шла о старой грузовой платформе. Я поняла и сжала жетон.

— Мерит...

— И жалованье за три смены я тебе должен. Так что без глупостей.

Он ушёл раньше, чем я успела ответить.

Мы добрались до платформы за шесть минут. По служебной сети уже передавали приказ всем сотрудникам оставаться на местах. Моё имя не называли. Это было хуже, чем если бы называли.

Жетон открыл ограждение. Я поставила чемодан на настил, вытянула ручную тягу. Платформа дёрнулась и начала подниматься вдоль внешней стены порта.

Ветер ударил сразу.

Я зажмурилась. Отсюда Вейра выглядела не белоснежной, а пёстрой и живой: бельё на верёвках, оранжевые крыши мастерских, синий купол рынка, зелёные пятна садов. Где-то там оставались моя комната, невымытая чашка и лепёшка под полотенцем, которую я собиралась съесть вечером.

Платформа раскачалась.

Вард взялся за верхнюю цепь, удерживая её так легко, будто железо не весило ничего.

— Чемодан оставьте мне.

— Нет.

— У вас повреждено плечо.

— А у вас повреждена репутация. Каждый несёт своё.

— У моей нет ручки.

— Значит, вам повезло: не натрёт ладонь.

Он коротко усмехнулся.

В этой усмешке не было ни извинения, ни обиды. И мне это неожиданно понравилось. Совсем немного. Я тут же рассердилась на себя.

Над краем причала показался нос корабля.

Он был меньше портовых пассажирских судов, с тёмным корпусом и единственной мачтой, на которой раскрывало крылья узкое воздушное полотно. У причального борта белели буквы: «Непокорный».

— Скромно, — сказала я.

— Прежнее название было хуже.

— Какое?

— «Супружеское согласие».

Я посмотрела на него.

Вард смотрел совершенно серьёзно.

— Вы шутите?

— Иногда.

Ни морщинки, ни намёка на улыбку. С таким лицом можно было сообщить о конце света и спросить, куда подавать багаж.

С верхней палубы сбросили трап. На нём появилась невысокая женщина в кожаном переднике. У неё были коротко стриженные белые волосы и прозрачные крылья, сложенные вдоль спины. Одно крыло пересекала металлическая шина.

— Если это инспектор, — крикнула она, — скажи сразу. Я успею спрятать нелегальный чайник.

— Инженер, — ответил Вард.

Женщина смерила меня взглядом.

— Тогда чайник всё равно спрячу. Стыдно показывать.

Я поднялась по трапу сама. Чемодан Вард всё-таки забрал, но только когда я передала его через поручень.

Женщина протянула ладонь.

— Иви. Машины, снасти, ругань. Если понадобится порядок, это к кому-нибудь другому.

— Лея. Пока не определилась, что здесь делаю.

— Большинство начинает именно так.

Она посмотрела на чемодан, который Вард поставил возле моих ног.

— С инструментом? Хорошо. Остальные являются с характером. Характером гайки отвинчивать неудобно.

Корабль качнулся. Где-то внизу ожили двигатели.
На причале показались люди в белых плащах с чёрной каймой. Не дворцовая охрана. Служба звёздных владений.
Один поднял руку, требуя остановиться.
Вард подошёл к борту.
— Проход закрыт, — крикнул служащий. — Всем оставаться на судне!
— Это мы и планировали, — пробормотала Иви.
Воздушный парус резко расправился.
Первый выстрел ударил в швартовую тумбу.
Я от неожиданности присела. Вард оказался рядом раньше, чем посыпались каменные осколки. Он не схватил меня за руку: просто закрыл собой и коротко приказал:
— Внутрь.
На этот раз я не спорила.
Мы спустились в тесный коридор. За спиной хлопнул люк. Судно накренилось, и я ударила бедром о поручень.
— Они стреляли, — сказала я, хотя это было очевидно.
Вард поставил мой чемодан на пол.
— Да.
— В порту. Среди людей.
Он молчал.
Именно молчание разозлило меня окончательно.
— Кто вы такой на самом деле? И почему у вас уже прогрет корабль, если вы приехали на свадьбу?
— Я приехал оспорить указ. Корабль держал готовым, потому что не верил приглашению.
— А мне поверили?
— Вы полезли в щит, который мог вас убить, чтобы остановить чужой корабль. Пока этого достаточно.
— Мне недостаточно.
Он кивнул на дверь справа.
— Там кают-компания. Объясню, как только пройдем городскую зону.
Я не двинулась.
— Сначала условие.
Его взгляд скользнул к моему плечу. Я видела, сколько усилий ему стоило не потащить меня к врачу силой.
— Говорите.
— Я не ваша жена. Подпись взята с другого документа. Любая попытка запереть меня, выдать кому-либо или решить за меня, куда мне ехать, заканчивается плохо.
— Для кого?
— Вы видели главный щит.
Вард посмотрел на мой чемодан с неожиданным уважением. Так обычно смотрели на вещи, которые лучше не ронять.
Несколько секунд он смотрел на меня без улыбки.
— Я не собираюсь заставлять вас выходить за меня.
Сказано было ровно. Но что-то в его лице не совпадало с голосом. Золотое кольцо вокруг зрачков стало ярче; на шее под воротом медленно проступила тёмная чешуя.
— Тогда почему вы на меня так смотрите?
Вард отвёл взгляд первым.
— Потому что сейчас не лучшее время для ещё одного объяснения.
Я шагнула ближе.

— Для меня последние полчаса вообще неудачные. Вы не особенно испортите картину. Корабль снова накренился. Из переговорной решётки раздался мужской голос:

— Рейнар, нас вызывают на общий канал. Канцелярия. Лично Сера Монд.

Вард выругался. Очень тихо, но я запомнила выражение: в портовом общежитии такого не слышала. Вот и первая польза от путешествий — расширение словарного запаса.

Он нажал кнопку у двери.

Над столом в кают-компании возникло лицо женщины лет сорока. Тёмные волосы, гладко зачёсанные назад. Ни драгоценностей, ни знаков отличия, кроме маленькой серебряной звезды у горла.

— Рейнар, — сказала она. — Ты всегда производишь больше шума, чем необходимо.

— Ваши люди стреляют в пассажирском порту.

— Они целились в швартовы.

— Удобная привычка — обсуждать намерения после выстрелов.

Женщина повернула голову. Изображение смотрело прямо на меня, хотя я понятия не имела, где находится принимающий глазок.

— Госпожа Керн. Приношу извинения за форму приглашения.

— Приглашения на собственную свадьбу?

— На участие в программе восстановления системы Сольтим.

— Вы подделали моё согласие.

— Его дал ваш отец в пределах полномочий руководителя проекта. Ваше личное участие было предусмотрено.

Мне стало холодно.

— Мой отец умер.

Женщина помолчала. В этой паузе было слишком много осведомлённости.

— Господин Керн сделал всё, чтобы его работа продолжилась. Полагаю, вы захотите её увидеть.

— Сначала я хочу увидеть оригинал разрешения.

— Это возможно. Вернитесь.

Я перевела взгляд на Варда. Он стоял неподвижно, но обожжённая рука была сжата в кулак.

— А если не вернусь?

Сера Монд опустила глаза, будто выбирала между несколькими неприятными, но равно допустимыми ответами.

— Через шесть суток внешний щит Сольтим закроется. Двести сорок тысяч человек останутся в системе без устойчивого солнечного света и без выхода. Господин Вард объяснит, почему спасти их способны именно вы.

Я не успела задать следующий вопрос.

— Только попросите его, — добавила она, — на этот раз рассказать всё. Особенно ту часть, где один из вас должен умереть.

Изображение погасло.

Двигатели под полом гудели ровно. Где-то за стеной звякнула посуда.

Я посмотрела на человека, за которым только что ушла из города.

— Теперь, — сказала я, — время для объяснений подходит идеально.

Глава 3 Тепло на двоих

В кают-компании пахло кофе, тёплым деревом и горелой тканью.

Последний запах исходил от рукава Варда. Он, кажется, не замечал. Я замечала слишком многое: тёмный след на его ладони, пустой крючок у двери, две чашки в сушилке, узкую царапину на столешнице. Так бывало, когда мозг отказывался принимать большое известие и цеплялся за мелкие вещи, которые ещё можно было понять.

Двести сорок тысяч человек.

Мой мёртвый отец.

Один из нас должен умереть.

— Сядьте, — сказал Вард.

— Начните говорить.

Он отодвинул стул. Сам остался стоять по другую сторону стола.

— Сольтим — звезда в галактике Нарис. Вокруг неё шесть обитаемых спутников у двух газовых планет. Империя заселила их около ста восьмидесяти лет назад.

— Я училась в школе.

— Тогда вы знаете официальную версию. Сейчас будет остальное.

— За остальное в школе ставили двойки.

— Здесь не будут.

Очень щедро. Я ещё и отметки должна была получать за это утро.

Я всё-таки села.

Вард включил стол. Из дерева поднялась световая схема: солнце, две широкие орбиты, шесть малых точек. Вокруг солнца замкнулась тонкая чёрная сфера.

— Это не планета, — пояснил он, заметив мой взгляд. — Сеть древних станций. Мы называем её оболочкой. Она собирает часть излучения и питает межгалактические Врата.

Я подалась вперёд.

— Оболочка должна быть решётчатой. Иначе вы перекроете свет.

— Именно.

На схеме между станциями начали разрастаться тёмные пятна.

— Четыре года назад механизм изменил режим. Поля расширяются. Через шесть суток они сомкнутся. Свет не исчезнет мгновенно, но тепла для поселений останется недостаточно. А Врата закроются раньше, чем удастся завершить эвакуацию.

— Почему не эвакуировали раньше?

— Потому что первые два года Канцелярия отрицала проблему. Следующий год потратила на подсчёт стоимости. В последний год выводила тех, кто мог оплатить место.

Это я поняла сразу. У любой катастрофы был список приоритетного обслуживания.

— Оставшиеся не могут.

— Большинство — нет.

Он увеличил одну из светящихся точек. На ней возникли маленькие квадраты, нитки дорог, скопление башен у кратера.

— Нижний Рид. Девять тысяч жителей. Рудник закрыли, когда упал экспорт. Продукты привозят раз в двадцать дней.

Он говорил без особого выражения, и от этого цифры были страшнее. Не речь перед собранием. Просто место, куда он летал и которое помнил.

— Почему именно я?

Вард положил рядом с проекцией сложенный свадебный документ.

— Ваш отец нашёл способ добраться до центральной станции. Для открытия её внутреннего контура требуются два оператора с совместимой проводимостью. Один должен выдерживать поток звёздной энергии. Дракон.

— А второй?

— Управлять фазой, не пропуская основной поток через себя. Человек с определённым строением нервной системы. Редкая особенность. Ваш отец её изучал.

В детстве я часто обжигала пальцы о совершенно холодные предметы. Врачи объясняли это ошибкой чувствительности. Отец записывал показания, давал мне держать разные кристаллы и никогда не говорил, зачем.

Мне вдруг вспомнилась его ладонь на затылке. «Ещё минуту, Лейка. Ты отлично справляешься». Мне было девять. Я так старалась отлично справляться.

— И для этого нас нужно поженить?

Вард помолчал.

— Нет. Для работы станции достаточно совпадения и добровольного соединения контуров. Брак нужен Канцелярии. Он закрепляет совместное подданство и право распоряжаться семейным имуществом. В данном случае — результатами проекта.

— То есть свадьба — способ забрать мои разработки.

— И привязать вас ко мне до выполнения задачи.

— Какая трогательная вера в семью.

Я потянулась к документу, но плечо пронзило болью. Вард двинулся ко мне. Я вскинула здоровую руку.

— Не надо.

Он остановился так резко, словно наткнулся на стекло. Значит, слово «не надо» всё-таки работало. Следовало напечатать его на рубахе.

— Кто должен умереть?

— По расчётам Керна, проводник основного потока.

Я посмотрела на обожжённую ладонь.

— Вы.

— Да.

Он произнёс это так, будто обсуждал выработанный ресурс аккумулятора. Мне захотелось ударить его. Не потому, что я успела к нему привязаться, а за этот спокойный тон, делающий меня случайным свидетелем уже принятого решения.

— И вы согласились?

— Я согласился добраться до станции и проверить расчёты.

— Сами только что сказали, что летели оспорить указ.

— Я не соглашался на принудительный брак.

— На принудительную смерть, значит, соглашались?

Он наклонился и выключил схему. Солнце свернулось в маленькую точку, потом исчезло.

— Не принимайте близко к сердцу, госпожа Керн. Это не ваша обязанность.

И вот после этих слов я действительно рассердилась.

— Не рассказывайте мне, что принимать близко. Вы втянули меня в побег, посадили на свой корабль и ждёте, что я буду разумно сортировать неприятные новости? У вас не получится одновременно сделать меня участницей и обращаться как с мебелью.

Дверь открылась.

— Правильно, — сказал вошедший мужчина. — Мебель хотя бы не убегает, когда достаёшь бинты.

Он был сухошав, сед и держал под мышкой ящик, на котором вместо красного креста была нарисована кружка. На нём висела рубаха с закатанными рукавами, а поверх — старый жилет, застёгнутый на разномастные пуговицы.

— Сен, судовой врач. Вас двоих хорошо слышно в машинном отделении. Инженер Иви просит продолжать: ей нравится, когда капитану возражают.

— Сен, — предупредил Вард.

— А мне нравится, когда ожоги лечат до того, как ткань прилипнет к мясу. У каждого свои слабости.

Он поставил ящик на стол и повернулся ко мне.

— Начнём с плеча. Позвольте?

Это простое слово почему-то заставило меня кивнуть.

Сен работал осторожно. Разрезал шов на рукаве, проверил пальцы, попросил поднять руку настолько, насколько смогу. Рука поднялась ненамного. Зато мои познания в крепких выражениях оказались обширными. Сен не перебивал; кажется, ждал, когда я исчерпаю всё доступное обезболивание.

— Вывиха нет. Ушиб, ссадины и надрыв связок. Неделью без нагрузок.

— У меня нет недели.

— Тогда постарайтесь найти. Рука у вас тоже одна запасная, и она хуже.

Я не удержалась от короткого смеха.

Вард стоял у стены. Когда Сен прижал к плечу холодную пластину, дракон резко вдохнул.

Я обернулась.

Он отвернулся к иллюминатору.

— Что?

— Ничего.

Сен перестал разматывать бинт.

Тишина стала слишком плотной.

— Господа, — сказала я. — Если здесь принято беречь мои нервы недомолвками, обычаи придётся менять.

Сен посмотрел на капитана. Тот чуть заметно качнул головой.

Я сняла здоровой рукой холодную пластину и положила её на стол.

— Прекрасно. Лечение закончено. Покажите, где выход.

— Мы в трёх тысячах метров над землёй, — сказал Вард.

— Тогда устройте посадку.

Он провёл ладонью по лицу. Впервые за всё время выглядел уставшим, а не опасным.

— Когда вы вошли в контур у щита, я почувствовал отклик.

— Какой отклик?

— У драконов это называют истинностью.

Я молчала так долго, что Сен успел отрезать бинт, свернуть оставшийся конец и убрать ножницы.

Разумеется, я слышала об истинных парах. Песни, дешёвые романы, обязательная глава по межвидовому праву. Соприкосновение полей, устойчивая биологическая совместимость, редкое состояние, при котором дракон чувствует человека так, как не должен чувствовать никого за пределами собственной кожи.

В песнях на этом месте полагалось счастье. Обычно ещё луна, сад и платье, не испачканное машинным маслом.

Мне достались бинт, судовой врач и желание открыть иллюминатор. Либо песни врали, либо я как-то неправильно оказалась истинной.

— Нет, — сказала я.

— Это не предложение.

— Тогда не называйте так.

Вард стиснул челюсть.

— Как вам угодно.

— Нет. Не «как угодно». Объясните, что конкретно происходит.

Сен ответил вместо него:

— У людей отклик часто запаздывает или не появляется вовсе. Он не создаёт любовь и не лишает воли. У дракона может усиливаться чувствительность к боли второй стороны, иногда к опасности. Остальное сильно преувеличено в литературе.

— Включая право уносить женщину в пещеру?

— Особенно его.

— Хорошо. А то я только оплатила комнату.

Вард бросил на врача такой взгляд, что тот с преувеличенным интересом принялся осматривать ожог.

— Поэтому вы почувствовали холод на моём плече?

— Скорее боль, — сказал дракон.

Я посмотрела на свою руку. Она была моя: испачканные ногти, старый шрам у большого пальца, ожог от чайника. Я не чувствовала никакого сияния, ни чужой души, ни восторга.

Только усталость и злость. И ещё — непрошеную тревогу за человека у стены.

Последнее я отложила. У меня уже были брак без согласия и отпуск без заявления; ещё и беспокоиться о незнакомом мужчине бесплатно я сегодня не планировала.

— Вы знали заранее?

— Нет.

— Канцелярия знала?

— Вероятно. Совместимость можно определить по образцам.

Отец собирал мои образцы много лет.

Я закрыла глаза.

Смерть делает с памятью дурные вещи. Всё острое сглаживается, каждая обида получает оправдание, а человек становится хорошим просто потому, что больше не может прийти и снова разочаровать.

Четыре года я хранила отца именно таким.

Теперь под красивой оболочкой начинало шевелиться что-то совсем другое.

— Я хочу прочесть его расчёты, — сказала я.

Вард кивнул.

— В моей каюте есть копии.

— Надеюсь, вход туда не считается ещё одной помолвкой.

— Только если вы подпишете журнал посещений.

Я посмотрела на него.

— Это шутка?

— Да.

— Предупреждайте. У меня сегодня трудности с документами.

— И договор. Не свадебный. Рабочий.

Он поднял бровь.

Я перечисляла, загибая пальцы здоровой руки:

— Доступ к технической документации. Право отказаться от участия в опытах. Никаких седативных без моего согласия. На ближайшей безопасной стоянке — возможность сойти. За работу — обычная ставка портового инженера, не меньше.

— Двойная, — сказал он.

— Тройная за аварийные работы.

— Согласен.

— Не перебивайте. Я ещё не закончила торговаться.

— Вы называли цену.

— Для начала. Нельзя соглашаться так быстро: я сразу думаю, что продешевила.

На этот раз он улыбнулся по-настоящему. Совсем чуть-чуть, одним уголком рта, и лицо сразу стало другим — моложе, живее. Я сердито отвернулась к Сену.

Врач с увлечением разглаживал пустую упаковку от бинта. Я поняла, что он слышал каждое слово, и рассердилась ещё сильнее. Упаковка, между прочим, уже была идеально гладкой.

Через полчаса у меня были повязка, кружка сладкого чая и подписанный Рейнаром Вардом рабочий договор сроком на трое суток.

Внизу я собственноручно добавила: «Настоящее соглашение не является согласием на брак».

Вард прочитал, взял перо и написал рядом: «Подтверждаю».

Росчерк у него оказался коротким и резким. Даже подпись этого человека умела отдавать распоряжения. Рядом моё размашистое «К» выглядело так, будто уже затеяло спор.

Когда он передавал мне лист, наши пальцы на мгновение соприкоснулись.

Я ощутила тепло.

Не вспышку, не удар, не обещанную романами безумную страсть. Просто тепло чужой руки, которое не должно было так долго оставаться на коже.

Я забрала договор и спрятала его в карман, отдельно от поддельного брачного согласия.

Глава 4 Корабль без лишних комнат

Моя каюта оказалась размером с портовый инструментальный шкаф.

Зато у неё были дверь, которую можно запереть изнутри, узкая койка и иллюминатор. В общежитии я платила отдельно за каждое из этих удобств, причём дверь иногда не считала себя обязанной соответствовать тарифу.

На подушке лежали чистая рубаша, тёмные брюки и записка: «Примерно ваш размер. Если нет, ножницы у Сена. Иви».

Оставалось надеяться, что подгонять собирались одежду. С порядками на корабле я пока не разобралась.

Я закрылась, села на койку и наконец позволила рукам дрожать.

Недолго. Минуту, может быть две.

Потом дрожь сделалась раздражающей, и я занялась тем, что понимала: проверила замок, нашла вентиляцию, убедилась, что под койкой нет следящего глазка. Хороший глазок я бы не увидела, зато нашла под койкой пуговицу и получила простую, посильную загадку: откуда она оторвалась. Это было приятнее, чем разбираться, откуда взялся мой жених.

Раздеваться оказалось трудно. Когда я стянула комбинезон с больного плеча, перед глазами выступили белые точки. Я переждала их, упершись лбом в прохладную стену.

В умывальнике текла вода. Обыкновенная, тёплая. Я долго держала под струёй пальцы, смывая чёрную пыль.

В небольшом зеркале отражалась женщина с растрёпанной каштановой косой, ссадиной у виска и глазами человека, которому за одно утро сообщили слишком много чужих планов.

— Ничего, — сказала я ей. — Ты и с налоговой справлялась.

Отражение посмотрело на меня без доверия. Оно тоже помнило, что с налоговой я справилась только с третьего раза.

На рубаше Иви я обнаружила маленькую зашитую дырку. Чужая аккуратность успокоила лучше собственных шуток. Кто-то носил эту вещь, чинил, складывал. Мир не целиком состоял из звёздных катастроф и поддельных свадеб.

За дверью послышалось шарканье.

— Керн? — позвала Иви. — Ты жива или уже разбираешь стену?

— Ещё выбираю.

— Тогда выбирай столовую. Марк готовит. Если опоздаешь, он решит, что ты одобряешь вчерашнюю кашу.

Я открыла дверь.

Фея оценила повязку, рубашу и мокрые волосы.

— Хорошо. Ботинки оставь свои. В запасных кто-то развёл цивилизацию.

— Разумную?

— Ещё выясняем. Марк принёс их на камбуз — Сен выгнал обоих.

Мы пошли по коридору. Я насчитала шесть дверей, два аварийных люка и три места, где проводка была проведена поверх обшивки.

— У вас корабль часто ремонтируют на ходу?

— Только когда он на ходу. На стоянке мы обычно спим.

Иви двигалась быстро, чуть переваливаясь на левую ногу. Шина на крыле тихо позванивала. Я старалась не смотреть, но она заметила.

— Старое повреждение. Летать мешает, жить — по настроению. Если хочешь спросить, спрашивай. Терпеть не могу, когда люди отворачиваются так старательно, будто я голая.

— Шину неправильно закрепили.

Она остановилась.

Я тоже.

— Простите. Профессиональное.

— Что именно неправильно?

— Задний шарнир. Он тянет при движении плеча. Вам нужен скользящий, а не фиксированный.

Иви медленно повернула голову, пытаясь посмотреть себе за спину.

— Сен говорил, лучше не трогать.

— Ткань — да. Крепёж можно переделать отдельно.

— Сделаешь?

Я пошевелила здоровой рукой.

— Когда добудем подходящий шарнир.

— На борту всё подходящее. Вопрос только в количестве ругани.

Это был первый здешний инженерный принцип, с которым я согласилась безоговорочно.

В кают-компании нас ждал высокий русоволосый мужчина с поварским полотенцем через плечо. На вид ему было немного за тридцать. Он одновременно мешал что-то в кастрюле и спорил через переговорную решётку с кем-то на мостике.

— Я сказал: второй клапан, Рейнар. Второй. Тот, который я вчера подписал словом «второй».

Из решётки донеслось:

— Он не открывается.

— Потому что ты тянешь на себя. Поверни.

— Повернул.

— Молодец. Флот вздохнул с облегчением.

— Я тебя слышу, Марк.

— На то и рассчитываю. В третий раз я подписывать не буду.

Марк заметил меня, кивнул и подхватил кастрюлю.

— Добро пожаловать. Если капитан обещал роскошное путешествие, сразу предупреждаю: десерт закончился позавчера.

— Он обещал документы и возможность сойти.

— Значит, учится продавать.

Мы ели густую похлёбку из чечевицы и копчёных кореньев. Она оказалась вкусной. После первой ложки выяснилось, что я ещё и голодна. С утренними событиями я забыла об этом, но организм быстро предъявил претензии и потребовал вторую порцию. Спорить с ним я не стала: хотя бы один спор сегодня хотелось закончить миром.

Вард вошёл последним, уже в другой рубашке. На предплечье белела свежая повязка. Без куртки он выглядел ещё крупнее. Входя, он привычно повернул плечи. Я зачем-то оценила ширину проёма, потом ширину плеч и поспешно вернулась к похлёбке. У нас здесь не обмерочные работы.

Он положил возле моей тарелки тонкую папку.

— Всё, что у меня есть.

Я открыла её сразу.

Первая страница была копией отцовского дневника.

Его почерк я узнала прежде, чем поняла слова. Высокая буква «д», наклонные цифры, привычка оставлять слишком большие промежутки перед выводами. На полях — крошечная звёздочка, которой он отмечал сомнительные решения.

Таковыми звёздочками он когда-то помечал мои домашние задания.

Я положила ложку.

В комнате продолжали разговаривать, но звуки отдалились.

«Образец ЛК-7 показывает устойчивость к фазовому рассогласованию. Необходимо повторить испытание после полного восстановления».

ЛК.

Лея Керн.

Мне стало неприятно не от букв. От слова «образец».

— Вы это читали? — спросила я Варда.

— Да.

— И не сочли нужным предупредить?

— Не знал, что вам известно.

Я хотела ответить резко, но он был прав. Впервые за утро это оказалось особенно досадно.

Я перевернула страницу.

За таблицами шли схемы. В середине одной я увидела то, чего не ожидала: старую ошибку, которую мы с отцом исправили ещё до пожара. Он перепутал знак у обратной связи. Из-за этого расчётный импульс вместо стабилизации должен был разрушить принимающий контур.

Я подвинула папку ближе.

Проверила следующую страницу. Потом ещё две.

— Нет, — сказала я.

Разговор за столом стих.

— Что именно? — спросил Вард.

— Это ранняя редакция. Причём из неё убрали приложение.

— Какое?

Я ткнула пальцем в пустое место после сноски.

— Здесь должна быть развязка. Шесть приёмных узлов, не один. Отец называл это рассеянным контуром. Если пропустить всё через одного проводника, он действительно погибнет. Мы именно поэтому и строили развязку.

Вард не пошевелился.

Марк медленно опустил кружку.

— То есть капитан может не умереть?

— Я сказала, что расчёт неполный. Не делайте из меня пророка: я ещё даже не доела. Мне нужно приложение.

— Где оно? — спросил дракон.

— Я не знаю. Лаборатория сгорела.

Впервые я произнесла это без привычной уверенности.

Папка была не обуглена, не восстановлена по уцелевшим обрывкам. Страницы скопировали аккуратно, ровно. Кто-то выбирал, что именно показать будущему проводнику.

— Кто дал вам документы?

— Сера Монд.

— Почему вы ей доверились?

Иви перестала жевать.

Вард посмотрел на неё, затем снова на меня.

— Когда-то она вывела из Иссена три транспортных судна. В нарушение приказа. Я знаю, что она способна рисковать ради людей.

— И знаете, что она способна подделывать согласие.

— Теперь знаю.

Я закрыла папку, чтобы не видеть знакомого почерка.

— Мне нужны оригиналы проекта. Всё, что осталось после пожара: накладные, архив, список вывезенного оборудования.

— Архив принадлежит Канцелярии, — сказал Марк.

— Любой прибор проходит через реестр перевозок. Вывезли — значит, кто-то заплатил. Заплатили — остался счёт.

Иви улыбнулась.

— Уже люблю её.

— Центральный реестр в Тиссе, — продолжила я. — Там хранят зеркальные копии. У меня есть старый допуск исследовательской группы.

— Он сработает? — спросил Вард.

— Не знаю. Но раз моё согласие на брак прекрасно сохранилось, пусть и допуск поставится.

— Справедливо, — сказала Иви. — Нельзя же хранить только то, от чего неприятности. Он подошёл к переговорной решётке.

— Курс на Тиссу.

Марк поднялся со стула.

— Через северные Врата? Нас там уже ждут.

— Через грузовой пояс. С посадкой на ремонтном ярусе.

— Там нужен залог.

Вард помолчал.

— Продадим запасной накопитель.

Иви ударила ладонью по столу.

— Нет.

— У нас нет времени.

— У нас без него не будет двигателя после второго перехода.

— Есть другой вариант?

Вопрос повис в воздухе.

Я посмотрела на отцовскую папку, потом на свой чемодан возле двери.

В нижнем отделении лежал материнский хронометр. Единственная дорогая вещь, оставшаяся после продажи квартиры. Я носила его с собой не из сентиментальности, по крайней мере так говорила себе. Просто в общежитии иногда исчезали вещи.

— Залог будет, — сказала я.

Вард повернулся.

— Нет.

Я почувствовала, как поднимается знакомая горячая волна злости.

— Вы даже не знаете, что я собираюсь предложить.

— Знаю, что это ваше.

— Именно.

Он собирался возразить. Я видела по лицу.

Потом его взгляд упал на папку.

— Запишем как долг судна, — сказал он.

— С процентами.

— Разумными.

— Посмотрим на ваше поведение.

Марк кашлянул в кружку. Иви взялась помешивать давно снятую с огня похлёбку. Только капитан держался достойно. Видимо, мысленно подсчитывал проценты.

Позже, уже в каюте, я достала хронометр.

Корпус был серебряным, с маленькой вмятиной на крышке. Мама уронила его в день, когда я впервые пошла в школу. Она тогда торопилась, сердилась на завтрак, на меня, на собственные волосы — и смеялась. Я помнила смех гораздо лучше её лица.

Я завела пружину, хотя часы давно перестали отставать.

За стеной ровно работал двигатель.

В дверь постучали.

Я закрыла крышку.

— Да?

Вард остался в коридоре.

— Через двадцать минут переход. Лучше лечь. У людей бывает головокружение.

— Я проходила Врата.

— На грузовых кораблях?

— На экскурсионном. Один раз. Мне было двенадцать.

Он кивнул, будто я прошла школу дальних перелётов. Что ж, на той экскурсии мне выдали памятный значок. Следовало упомянуть и его.

— Здесь качнёт сильнее.

Я посмотрела на его обожжённую руку.

— Вы знали про ошибку в расчётах?

— Нет.

— Но надеялись?

Он ответил не сразу.

— Последнее время я стараюсь сначала получить основания.

Мне захотелось сказать что-нибудь совсем другое — не колкость, не условие, не техническое замечание. Ничего подходящего не находилось.

— Тогда постарайтесь не умереть до того, как мы проверим приложение. Иначе я зря заложу часы.

Вард посмотрел на серебряный корпус в моей ладони.

— Постараюсь.

Он ушёл. Я закрыла дверь, но почему-то не повернула ключ сразу.

Через двадцать минут корабль вошёл во Врата.

Свет за иллюминатором вытянулся тонкими нитями. На несколько секунд исчез вес. Хронометр поднялся над моей ладонью, открылся, и маленькие стрелки дрогнули над белым циферблатом.

Я поймала его уже в другой галактике.

Глава 5 Город чужих имён

Тисса была станцией, которой давно стало тесно в собственном названии.

Её строили как перевалочный узел у межгалактических Врат. Потом появились склады, вокруг складов выросли жилые ярусы, жилым ярусам понадобились рынки, рынкам — охрана и чиновники. Назвать саму планету за это время так и не собрались. Зато город обзавёлся семью управлениями, и каждое успело обзавестись вывеской. Теперь вокруг безымянной каменной планеты вращался целый город: семь соединённых кольцами платформ, прозрачные купола, длинные посадочные рукава и сотни огней на тросах навигационных буйв.

Снаружи царила пустота. Воздух удерживали защитные поля. На подлёте «Непокорный» сложил парус, и до причала нас дотянули маневровые двигатели.

— Здесь нет атмосферного ветра, — пояснила Иви, заметив, как я смотрю на убирающуюся мачту. — Парус в космосе бесполезен. Зато на планетах экономит накопители. Марк считает, что ещё и производит впечатление на женщин.

— Производит, — сказал Марк из-за штурвала. — Однажды женщина целых двадцать минут объясняла мне, что я неправильно выбрал угол.

— Это была я.

— Вот именно.

Таможенник, поднявшийся на борт, не заинтересовался парусом. Его интересовала ведомость пассажиров.

Я стояла у машинного люка с инструментальным чемоданом. Иви велела придать лицу выражение человека, который третий день ремонтирует слив. Я не знала, как это делается, и просто думала о свадебном указе. Иви взглянула на меня и одобрительно кивнула. Видимо, слив удалось передать убедительно.

Таможенник посмотрел на меня, на Иви, потом на Варда.

— Борт зарегистрирован на хозяйку Иви Ренн?

— Совершенно верно, — сказала фея.

Я едва не повернула голову.

Капитан не являлся владельцем корабля. Значит, где-то существовал человек, способный сказать ему: «Вытри ноги, я только помыла». Газеты упускали существенные подробности.

— Стоимость стоянки повышена.

— За что?

— Дракони́й экипаж. Пожарный риск.

Иви вытащила из нагрудного кармана сложенный лист.

— Последняя редакция правил. Надбавку отменили восемь месяцев назад.

— У меня другие сведения.

— Тогда предоставьте письменный расчёт. С подписью и номером вашего личного жетона.

Таможенник посмотрел на лист. Потом на её повреждённое крыло.

— Феи занимают отдельную категорию причалов.

— Корабли занимают причалы. Феи иногда занимают должности, на которых могут нанять юриста.

Марк уставился в потолок. Вард ничего не сказал, но чуть сместился, оказавшись ближе к проходу.

Таможенник решил, что недоразумение уладилось.

Когда он ушёл, Иви убрала лист.

— Там действительно правила? — спросила я.

— Список запасных частей. Мелким почерком. Никто не читает мелкий почерк, если произнести слово «юрист».

Вард посмотрел на неё неодобрительно.

— В следующий раз могут прочитать.

— Поэтому я каждый раз меняю список.

— Иви.

— В этом даже есть пожарный клапан. Почти по существу.

Он передал ей деньги за стоянку и повернулся ко мне.

— Сначала залоговая контора, потом реестр. Вместе.

— Последнее — приказ?

— Предложение не разделяться в городе, где нас могут искать.

— Уже лучше.

Он взял с вешалки длинное серое пальто. Оно скрывало плечи и повязку, но не делало его незаметным. Некоторые люди слишком привыкли занимать пространство, чтобы ткань могла исправить положение.

— Вам бы шляпу, — сказала я.

Марк поперхнулся.

— Что смешного?

— Ничего. Просто хочу увидеть.

Шляпу Вард не надел. Зря: лицо человека, которому никто не смеет предложить шляпу, привлекало не меньше внимания, чем шрамы.

Мы прошли по посадочному рукаву и поднялись на жилой ярус. Здесь было удивительно тепло. Под куполом росли деревья, пахло выпечкой и влажной землёй. Я задержалась возле клумбы, пытаясь представить, сколько стоит вывезти такое количество почвы в пустоту.

За прозрачным потолком висела незнакомая галактика. Звёзды казались гуще, чем над Вейрой, но, возможно, дело было в чистоте стекла.

На площади торговали всем, что могло понадобиться людям, феям, драконам и существам, которых я не знала по названиям. Существо с четырьмя руками складывало ткань так ловко, что вокруг прилавка собрались зрители. Два ребёнка с маленькими рожками спорили из-за сахарного яблока. Старуха в зелёном платке ругалась с автоматом выдачи воды. Тот сообщал, что ценит её мнение. Старуха ударила его сумкой, и он наконец налил воду. Я мысленно пожелала ей долгих лет: станция нуждалась в грамотных специалистах.

Я поймала себя на том, что хочу остаться.

Не навсегда. На день. Пройти рынок без страха, съесть горячую булку, купить Иви нормальный шарнир. Побывать человеком, которому не нужно срочно разбираться с умирающей звездой.

Вард заметил мой взгляд на пекарню.

— Мы успеем.

— Что?

— Поесть.

— Вы читаете мысли?

— Нет. Вы замедлили шаг возле четвёртого прилавка с едой.

— Я изучаю местную торговлю.

— Особенно сырную выпечку.

Пришлось признать: наблюдательность у него была совершенно некстати.

В залоговой конторе пахло кожей и старой бумагой. Хозяин, лысый человек в очках на гибких дужках, принял хронометр двумя пальцами.

Я сразу его невзлюбила.

Он открыл крышку, посмотрел на клеймо, вынул увеличительное стекло.

— Вмятина. Пружина менялась. Серебро низкой пробы.

— Проба стоит внутри крышки, — сказала я.

— Клейма подделывают.

— Тогда откройте клеймо изготовителя. Оно на механизме.

Он взглянул поверх очков.

— Разбираетесь?

— Достаточно, чтобы не верить вам на слово.

Он поправил очки. Сразу стало видно, что клиент без технического образования понравился бы ему гораздо больше.

Вард молча стоял у двери. Я чувствовала его присутствие всем левым боком, хотя он меня не касался.

Хозяин назвал сумму.

Я назвала другую.

Мы сошлись на третьей, и в момент, когда он потянул часы к своему лотку, у меня едва не вырвалось: «Подождите».

Но я промолчала.

— Срок выкупа — тридцать дней, — сказал он, протягивая квитанцию. — Потом вещь поступает в продажу.

Я прочитала каждый пункт. Дважды.

На улице Вард спросил:

— Всё в порядке?

— Нет. Но деньги у нас есть.

Он не стал утешать.

Мы купили две булки с пряным сыром и съели их стоя у ограждения, за которым медленно вращалась центральная ось станции. Вард разломил свою одной рукой. Второй, обожжённой, почти не пользовался.

— Дайте, — сказала я.

Он посмотрел на меня.

— Булку. Не вашу независимость.

— Я уточнил взглядом.

— У вас слишком выразительные взгляды. К некоторым хочется приложить письменное возражение.

Я развернула жирную бумагу, придержала край, чтобы он мог взять удобнее. Нелепая маленькая помощь после того, как он удержал аварийный трос и вывел меня из порта.

Но он сказал:

— Спасибо.

И произнёс это без насмешки.

Реестр занимал весь нижний этаж административной башни. В высоком зале стояли кабины проверки личности, столы для заявлений и длинные скамьи, отполированные ожиданием нескольких поколений.

Я встала в очередь. Вард остался у стены.

На табло сменялись номера. Женщина передо мной держала заснувшего ребёнка; пожилой мужчина за спиной пересчитывал бумаги после каждого вызова. При очередном пересчёте получилось на одну больше. Он встревожился, и я прекрасно его поняла.

Через двадцать минут меня вызвали.

Служащая взяла старую карточку исследовательской группы, которую я носила вместе с документами. Карточка была потрескавшейся, фотография почти выцвела.

— Доступ по учреждению, — сказала я. — Нужны транспортные записи о вывозе оборудования из лаборатории Северного университета за месяц пожара.

— Год?

Я назвала.

Служащая вставила карточку в считыватель.

Машина тихо щёлкнула.

Она нахмурилась и посмотрела на меня.

— Повторите имя.

— Лея Адель Керн.

— Дата рождения?

Я ответила.

— Приложите палец.

Сканирующий кристалл был холодным. Пока он проверял рисунок кожи, я разглядывала маленькую фотографию рядом с письменным прибором: та же служащая, мальчик лет десяти и большая собака.

Кристалл мигнул зелёным, затем красным.

Служащая медленно убрала руки со стола.

— Подождите здесь.

Она поднялась и ушла через боковую дверь.

Я посмотрела на Варда. Он уже оттолкнулся от стены.

На экране, повернутом под углом, я смогла прочитать только одну строку.

«Биометрическое совпадение подтверждено. Несоответствие акту гражданского состояния».

Из боковой двери вышел мужчина с папкой. Я узнала его по манере поправлять очки средним пальцем.

Гален Норт.

Когда-то мы учились вместе. Он носил мои конспекты и делал вид, что это я попросила. На выпускном он поцеловал меня за оранжереей, а потом три недели объяснял, что сейчас неподходящее время для серьёзных чувств.

Теперь у него был хорошо сидящий костюм и лицо человека, которому неподходящее время только что вернули с процентами.

— Лея?

— Гален. Неужели дослужился до человека, который может выдать бумагу без трёх печатей?

Он не улыбнулся.

— Ты должна пойти со мной.

— Сегодня это слишком популярное предложение.

Вард остановился возле моего плеча.

Гален поднял взгляд и заметно побледнел. Он узнал капитана. Почти все узнавали.

— Это ваш...

— Представитель, — сказала я раньше, чем Вард успел ответить. — По техническим вопросам.

Вард промолчал. Удивительно воспитанный мужчина: только что понизили из командующих в сопровождающие, а он даже бровью не повёл.

— Нам лучше поговорить в кабинете.

— Почему?

Гален наклонился ближе. От него пахло тем же горьковатым одеколоном, что в студенческие годы. Память выбрала совершенно неподходящую подробность.

— Потому что четыре года назад в этой системе зарегистрировали твою смерть.

Я не сразу поняла слова.

— Смерть отца, — поправила я.

— И твою. Одна дата, одно основание. Пожар в лаборатории.

Рядом со мной очень тихо скрипнула кожа пальто.

Вард сжал кулак.

Я посмотрела на свой палец, ещё лежавший на кристалле.

Он был живой. Под ногтем оставалась чёрная полоса масла, которую я не смогла отмыть.

— Я четыре года получаю жалование, — сказала я. — Плачу за жильё. Спорю с налоговой. Мёртвым положены какие-нибудь льготы?

Гален не ответил на шутку.

— На Вейре у тебя местная запись. Её восстановили. А межгалактический реестр не исправили.

— Случайно?

Он покачал головой.

— При восстановлении стоял запрет на синхронизацию. Лея, я не знаю, кто это сделал. Но твоя сегодняшняя проверка только что сняла запрет автоматически.

В дальнем конце зала закрылась дверь.

Потом вторая.

Вард положил здоровую руку мне на спину — легко, между лопаток, указывая направление.

— В кабинет, — сказал он. — Сейчас.

На этот раз Гален пошёл впереди.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.